

ЭССЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В ФИЛОСОФИИ ГЕОРГА ЗИММЕЛЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00119 А).

Рассматривается концепция «женской культуры», предложенная знаменитым немецким философом Георгом Зиммелем. Подход, лежащий в основе данной концепции, характеризуется как эссенциальный, поскольку предполагает существование независимых и диаметрально противоположных по содержанию мужской и женской сущностей. В статье анализируется проблематичность решения «женского вопроса» в рамках эссенциальной парадигмы.

Ключевые слова: женская культура; женская сущность; женское движение; эссенциализм; бинаризм.

Эссенциальная парадигма мышления предполагает, что любой предмет и любое явление могут быть поняты и описаны лишь в свете соответствия своему онтологическому прообразу, представляющему собой метафизическое основание, сущность предмета. В этой связи социальные процессы и роли также должны интерпретироваться в контексте соответствия или несоответствия своему сущностному «априори». Социокультурное предназначение женщины в классическом философском дискурсе описывалось в категориях пассивности, чувственности, телесности, ущербности главным образом потому, что мыслилось как выражение «женской сущности», противостоящей «мужской сущности». Последняя же, в свою очередь, представлялась априорной гарантией активной, разумной, созидательной функции мужчин в социуме. Концептуально эссенциализм, противопоставление социальных ролей мужчины и женщины, а также субординация между ними представляют собой единое целое, предполагают и обуславливают друг друга. Однако их единство настолько устоялось в традиции, что становится как бы незаметным вследствие своей «естественности».

Как замечает знаменитый французский философ и социолог Пьер Бурдьё, «сексизм – это эссенциализм, так же как этнический или классовый расизм. Он стремится свести исторически сформированные социальные различия к биологической природе, функционирующей как некоторая сущность, из которой неумолимо выводятся все жизненные акты. И среди других форм эссенциализма, несомненно, труднее всего искоренить сексизм» [1. С. 9]. Особая трудность в плане преодоления гендерной субординации связывается П. Бурдьё с тем обстоятельством, что человеческие тела в прямом смысле «носят» на себе отличительные знаки сексистской интерпретативной схемы. Действительно, дуализм онтологии и антропологии не имеет того означивающего доступа к телам, который оказывается возможным в социальном пространстве. «Труд, направленный на то, чтобы сделать “природой” произвольный продукт истории, в данном случае находит очевидное основание во внешних телесных различиях, а также в совершенно реальных результатах, произведенных в телах и умах (то есть в реальности и в представлениях о реальности) тысячелетней работой по социализации биологического и биологизации социального. Такая работа, меняя местами при-

чины и следствия, представляет натурализованную социальную конструкцию как оправдание природой произвольного представления о природе, лежащее в основании как самой реальности, так и представлений о ней» [Там же]. Таким образом, сексизм можно рассматривать как самый очевидный или «наглядный» эссенциализм, поскольку та смысловая схема, которую он навязывает человеческому мышлению, представлена в ярких образах повседневности – одежде, осанке, походке, жестикуляции, косметике, инкорпорированных в тела и схемы восприятия индивидов.

Тесная взаимосвязь эссенциальной парадигмы мышления и представлений о поляризации полов имеет еще одну важную особенность. Как бы тому или иному конкретному мыслителю ни было очевидно наличие в обществе механизмов гендерной субординации, с одной стороны, и настоятельной потребности преодолеть эту субординацию – с другой, обнаружение действительных методов преодоления сексизма невозможно, по крайней мере, до тех пор, пока мышление остается в рамках эссенциальной схемы. Ярким примером такого теоретического тупика может по праву служить концепция «женской культуры» знаменитого немецкого философа, социолога и культуролога Георга Зиммеля.

Итак, в своем философском эссе «Женская культура» Георг Зиммель прежде всего пытается прояснить понятие культуры как таковой: «Культуру можно рассматривать как совершенствование индивидов, которое достигается посредством объективации духа в исторической деятельности рода» [2. С. 234]. Представляя культуру, таким образом, как некий уникальный синтез стремящихся к совершенствованию и возвышению субъектов, с одной стороны, и накопленных поколениями объективных знаний, нравов и ценностей – с другой, Г. Зиммель утверждает два важных относительно самостоятельных аспекта культуры – субъективный и объективный. Это определение культуры помогает, с точки зрения автора, наиболее ясно охарактеризовать суть современного ему женского движения. Дело в том, что сторонники феминизма обозначают претензии исключительно в субъективном плане, проблематизируя в своей деятельности лишь возможности приобщения к объективному культурному багажу представительниц женского пола и не затрагивая перспективу преобразования самого этого объективного аспекта культуры, его дополнения

специфическим женским содержанием. «Поскольку женщины стремились перенять формы жизни и деятельности мужчин, речь для них шла о личном участии в уже существующих, но закрытых для них культурных сферах, которые, как они полагали, дадут им новое счастье, новые обязанности или новое развитие личности; здесь борьба всегда идет только за права отдельных людей, пусть даже их число составляет миллионы в настоящем или будущем, а не за то, что выходит за пределы всего единичного и личного. Речь идет о количестве ценностей, а не о создании объективно новых» [2. С. 235]. По мнению Г. Зиммеля, здесь кроется фундаментальный для женского движения вопрос – способна ли женщина вообще изменить объективное содержание культуры, обогатить его чем-то новым, а не только дополнять уже существующие формы. Если женское движение ограничится только насущной постановкой вопроса о необходимости открыть доступ женщинам ко всему богатству культурного содержания, которое, кстати сказать, создано не ими, то изменившаяся культурная ситуация все же будет подтверждать ограниченность женской природы. Другими словами, успех феминизма может вопреки ожиданиям обусловить его же решительный крах, сделав очевидной способность женщин приобщаться к уже созданному, и их же неспособность создавать! Это вопрос о самой природе или сущности женского, а точнее, «о принципиальном отношении женской сущности к объективной культуре» [Там же].

Обозначив, таким образом, основную проблему своего эссе, Г. Зиммель считает необходимым оговорить еще одно важное обстоятельство. Сформированная тысячелетиями объективная культура, к которой пытаются получить доступ женщины, не является бесполой. Человеческая культура – это абстракция, не имеющая с реальностью ничего общего. Сохраняя объективность формы своего существования, т.е. относительную независимость от обстоятельств той или иной эпохи, претензий, амбиций или варварства того или иного конкретного индивида или сообщества, культура, тем не менее, не находится вне половых различий. «Напротив, – утверждает Г. Зиммель, – наша объективная культура является – за исключением очень немногих областей – только мужской. Мужчины создали искусство и промышленность, науку и торговлю, государство и религию. Вера в чисто “человеческую” культуру, в которой речь не идет о мужчинах и женщинах, происходит из того же основания, из которого такой культуры не существует, – из наивного отождествления “человека” и “мужчины”, вследствие чего во многих языках оба понятия выражаются одним словом» [2. С. 235–236]. Оставляя в стороне вопрос о том, является ли мужской характер объективной культуры следствием женской неспособности к созиданию объективно значимого либо лишь следствием очевидного превосходства мужского пола в силе, необходимо, по мнению автора, признать таковой характер культуры бесспорной данностью, сложившейся в результате «многообразного сплетения исторических и психологических мотивов» [Там же. С. 237].

Мужской характер объективной культуры открывает перед исследователем еще одну замечательную

перспективу: анализируя особенности многообразных форм человеческой / мужской культуры, можно сформулировать те черты специфически мужского характера, которые формируют природу или сущность мужчины. Так, необходимо отметить, с точки зрения Г. Зиммеля, специализацию, господствующую в подавляющем большинстве известных культурных форм. Специализация, или разделение сфер деятельности, раскрывает существенную односторонность или раздробленность мужского существа. «Создается впечатление, что мужчина скорее способен направлять свою силу по односторонне установленному направлению, не нанося этим ущерба своей личности, именно потому, что он воспринимает эту дифференцированную деятельность в чисто объективном аспекте как нечто отделенное от его субъективной жизни, как нечто полностью дифференцированное от его личного существования, причем своеобразным и трудно поддающимся понятиям образом и тогда, когда он со всей интенсивностью отдается этой объективной и специализированной задаче» [2. С. 238]. Женская же природа лишена такой исключительной способности культивировать специфический род деятельности, не нанося ущерба своей глубинной личностной основе. Лишенность специализированного восприятия реальности, таким образом, выступает основной характеристикой женской природы. Термин «лишенность», подчеркивающий ущербность женской натуры, кажется здесь вполне уместным, поскольку именно эта дифференцированность мужского существа тесно связана с творческим потенциалом, который и привел в реальность все многообразие форм объективной культуры. Однако Г. Зиммель спешит поправиться: «...не в смысле ущербности, а вследствие того, что выраженное здесь как недостаток полностью вытекает из позитивных свойств женской натуры» [Там же]. «Если вообще эта душевная особенность может быть выражена в символе, то он будет состоять в следующем: в натуре женщин периферия теснее связана с центром, части более соответствуют целому, чем в натуре мужчин» [Там же].

Эта специфика женской сущности выражается в совершенно различных областях человеческой жизни. И все положительные следствия, проистекающие из этой природной особенности женского существа, игнорировались долгое время лишь постольку, поскольку избирательный характер культурного «видения» был жестко ограничен рамками мужского языка и мужского мышления, в которых все проявления женского автоматически помещаются в ранг ущербных и маркируются как отклонение от нормы. Однако на самом деле положительный характер недифференцированности женского восприятия очевиден во многих сферах общественной жизни. Например, в пенитенциарной системе. «Опытные знатоки тюремных порядков, – пишет Г. Зиммель, – при введении в тюрьмах женщин-надзирательниц указали на необходимость принимать на эту должность только образованных женщин» [2. С. 239]. Причина же такой необходимости была обусловлена тем фактом, что мужчина, как правило, с готовностью подчиняется надзирателю, даже если тот по уровню образования уступает за-

ключенному. В то время как женщина в значительной степени чувствует себя уязвленной, будучи вынуждена подчиняться менее образованной надзирательнице. Мужчина, следовательно, оказывается способен отделить довольно специфический вид объективного отношения от глубинного субъективного ядра своей личности, а женщина воспринимает происходящий контакт лишь в тесной связи с остальными измерениями индивидуальности. Это же касается, например, такого известного явления, как чрезмерная обидчивость женщин: не будучи в состоянии (благодаря своей природе) отделить частный аспект от целого, женщина воспринимает односторонне направленную колкость в свой адрес как попытку поставить под вопрос всю целостность ее существа. Наиболее точно эту неразделенность в женском существе центра и периферии отражает психологическое понятие верности. Верность себе, любимому, вещам, воспоминаниям является столь естественной для женщин, что вполне может быть признана объективацией ее глубинного существа. В то же время способность делать периферию независимой от центра, решать фактические задачи беспристрастно и объективно располагает к неверности, свойственной мужской натуре. Поэтому, «конечно, мужчины объективнее женщин» [2. С. 240].

Однако сами слова, которые мы черпаем в устоявшемся, культурно обусловленном (а следовательно, мужском) языке и прилагаем к различению мужской и женской сущностей, привносят в характеристику женского оттенок ущербности и неполноценности. Действительно, «необъективность», «предвзятость», «пристрастность» в «мужском мире», которым, по сути, является человеческая культура, ассоциируются с отклонением от нормы. Г. Зиммель осознает своеобразный логический тупик или «порочный круг», к которому начинают сводиться его рассуждения. Решать вопрос о возможной причастности женщин не только к субъективному, но и к объективному аспекту культуры можно лишь определив или выявив в женщинах некоторую самостоятельную и имеющую положительное содержание сущность. Однако средства, критерии и понятия, с помощью которых эксплицируются основные характеристики этой сущности, неизменно воспроизводят вторичное представление о женщине. Другими словами, пытаюсь «беспристрастно» и «объективно» разграничить мужскую и женскую натуру, мыслитель неизбежно впадает в необъективность и пристрастность, поскольку использует в своем труде специфически мужской инструментарий, подчиняет свой предмет мужскому критерию и языку. Г. Зиммель настойчиво прилагает усилия для того, чтобы избежать этой логической западни. «Помочь здесь может лишь радикальный дуализм: только если придать существованию женщин как таковому в принципе иную основу, отличную от основ мужского существования, построить две жизненные тотальности и каждую из них по совершенно автономной формуле, это наивное смешение мужских ценностей с ценностями вообще может быть устранено» [2. С. 241].

Смешение объективного как надполового культурного багажа и объективного как специфически мужского восприятия реальности способствует тому,

что усмотреть в якобы объективной, а на самом деле мужской культуре потенциал женской тотальности более чем проблематично. Попытки женщин субъективно приобщиться к культурному полю выявляют скорее не саму оригинальную женскую сущность, а более или менее удачные попытки подражать мужскому в усвоении приведенных мужчинами в действительность культурных форм. Поэтому, например, очевидны успехи женщин в преподавании, научном коллекционировании, музыкальном исполнении, поскольку сами эти области не связаны с подлинной созидательной активностью. Они направлены на умножение и транслирование уже существующего. «Короче говоря, пишет Г. Зиммель, – в рамках существующей культуры они [женщины] проявляют себя тем больше, чем в большей степени предмет их труда уже воспринял дух этой, то есть мужской, культуры, и оказываются несостоятельными, когда требуется исконная продукция, то есть когда женщинам пришлось бы ввести свою изначально по-иному направленную оригинальную энергию в формы, требуемые объективной, следовательно, мужской культурой» [2. С. 242]. Однако эта пародийная погоня за обладанием мужскими формами культуры на деле лишь подтверждает справедливость подчиненного положения женщин в обществе. Только если женщины «создадут то, что не могут создать мужчины» [Там же], вопрос об оправданности претензий феминистского движения может быть решен положительно. В этом стержень и суть, по мнению Г. Зиммеля, женского вопроса в современности.

Несмотря на уже, казалось бы, подведенную черту в рассуждениях о женской сущности, ее положительном потенциале и практически незаметной или трудно эксплицируемой способности к подлинному созиданию, Г. Зиммель все же пытается дать на основной женский вопрос современности утвердительный ответ, т.е. обнаружить, как он выражается, в «пробелах» мужской культуры доказательства действительного творческого потенциала женской природы.

Медицина. Во врачебном искусстве, по мнению Г. Зиммеля, объективные методы исследования не могут быть эффективны в степени, сравнимой с эффективностью субъективного вчувствования и сопереживания пациенту. Медицина может выйти на совершенно новый уровень, если задействует в полной мере специфически женское, как считает автор, умение проникаться чужой болью, воспринимать больного как бы всем своим существом. Особенно печально выглядит эта уверенность Г. Зиммеля на фоне современной медицины, где подавляющее большинство персонала представлено женщинами, за редким исключением не собирающимися практиковать особые методы понимания и сопереживания, да и находящимися, по правде сказать, в условиях, не предполагающих такой заботы о пациенте в принципе. Кроме этого, женщины могут существенно усовершенствовать процесс лечения женщин, особенно из низших слоев населения, поскольку сходная конституция облегчает взаимопонимание, а следовательно, диагностирования и терапии, особенно актуальные в тех случаях, когда

пациентка не владеет достаточными средствами выражения. «Таким образом, в этой области женщины могут вследствие особенностей своего пола и в чисто теоретическом смысле достигнуть того, что недоступно мужчине» [2. С. 244].

История. Историческая наука также может быть полем для реализации уникальных созидательных свойств женской натуры, поскольку развитие этой области исследования обнаружило несостоятельность так называемой теории фотографирования. Согласно этой концепции ученый, используя объективные методы, как бы прямо отображает происходившие в прошлом события, «фотографически» переносит их в свою теорию. Однако сами отображаемые события не являлись последовательностью холодных фактов, они реализовывали собой что-то чувства и стремления, объективировали представления исторических персонажей об окружающем мире, их понимание себя и своего места в этом мире. По этой причине объективное изложение исторического материала с необходимостью должно быть дополнено своеобразной «вчувствующейся фантазией», не столько излагающей события, сколько их интерпретирующей. Историческая истина не может и не должна, таким образом, определяться с позиций беспристрастной фактологической точности. Напротив, историческое знание должно быть подобно художественному искусству, в котором единичная модель отображается в различных картинах, поскольку интерпретируется художественной фантазией различных мастеров. При этом ни одна из картин не представляет собой единственно верный вариант, но все они дополняют друг друга, схватывая в модели нечто недоступное другим. Поэтому «в той мере, в какой история является прикладной психологией, женская натура может служить в ней основой оригинальных свершений» [2. С. 247]. Исходя из «априори своей сущности», женщины могут видеть «иное» в прошедших событиях. Но помимо этого они могут видеть то же самое «иначе», чем мужчины. И эту инаковость женского взгляда нельзя рассматривать с позиций альтернативы истинного и ложного, она несет в себе важный аспект, просто недоступный мужчинам вследствие их «априори». «Сколь ни проблематичными и предварительными, — пишет Г. Зиммель, — с точки зрения принципиальных связей не кажутся такие возможности, я все-таки полагаю, что в исторической науке могут быть специфические женские функции, успехи, основанные на особых органах восприятия, вчувствования и конструкции, присущих женской душе, начиная от глухого понимания народных движений и непризнанных мотиваций отдельных лиц до расшифровки надписей» [Там же].

Литература. Наибольших успехов в объективации своей оригинальной сущности женщины добились в области литературного искусства. Именно здесь, по мнению Г. Зиммеля, в последнее время стали встречаться авторы, которым удается избежать подражания мужской манере письма и произвести благодаря этой независимости нечто по-настоящему глубокое и интересное. Однако даже эти значительные примеры не могут вполне избежать определенных проблем, связанных с тем, что основные вырази-

тельные формы в литературе, а также принятые средства выражения, некое соотношение открытости и закрытости внутренних переживаний писателя, несут на себе явный отпечаток мужского характера и мужской объективной культуры. Это вполне объяснимо, поскольку все основные установки писательской деятельности выработаны мужчинами и очевидным образом соответствуют их особенностям и представлению о мире, их сущностному априори. «Традиционные внутренние формы лирики, ее словарный запас, сфера чувств, в котором она пребывает, отношение между переживанием и символом выражения — все это при различной сфере действия в каждом случае в целом установлено по известной общей мере выявления душевного переживания, а именно по мужской» [2. С. 248]. В одной только области литературы образуются некий пробел, открывающий пространство для живой и содержательной объективации женского существа. Это роман. В отличие от драмы или лирики этот жанр предполагает большую подвижность традиционных форм, меньшую необходимость сводить все линии повествования к единой последовательности основного сюжета. Роман допускает открытость определенных аспектов, их уход в бесконечность. Интуиция изначально склонила женщин к роману, предчувствуя очевидную возможность их успеха на этом поприще. Форма романа «именно потому, что она не является “формой” в строгом смысле слова, достаточно гибка, чтобы позволить ряду современных романов считаться специфически женскими творениями» [Там же. С. 249].

Искусство. Поскольку Г. Зиммель вообще анализирует женское существо посредством традиционных бинаризов, например посредством противопоставления разумного и чувственного, женское предназначение очевидно представляется ему выходящим за рамки всякого рациио. В этом контексте понятно его превозношение искусства, особенно связанного со значительной ролью жеста, мимики и тела вообще, как очевидного поля для женской самореализации. Оригинальная манера двигаться, присущая женскому априори, особое отношение к пространству — все это делает оправданными большие надежды относительно женских форм и содержаний в подобном виде творчества. Искусство танца и актерское мастерство наиболее точно отражают специфику женской натуры. Это связано с особым чувством пространства, которое сформировано той жизненной необходимостью, которая помещает женское существование в замкнутое пространство дома, где нет ничего незнакомого и нечего завоевывать. В этом смысле движения мужчин более резки и динамичны, поскольку им надлежит постоянно быть готовыми к завоеванию новых пространств, однако менее изящны и гармоничны. Актерскому искусству в женщине способствует еще и упомянутая выше особенность ее существа, а именно нераздельность центра и периферии, которая погружает во время актерской игры все женское существо в глубинный акт художественного творчества. «И если вообще существует нечто подобное формуле женской сущности, то она совпадает с сущностью актерского мастерства» [2. С. 252].

Все рассмотренные проявления женского существа в различных сферах культурной жизни лишь подтверждают, с точки зрения Г. Зиммеля, «естественную» противоположность полов. Особая вчувствующаяся роль женщины, связанная также со специфическим единством в ее существе центра и периферии, наиболее адекватно может быть выражена при помощи понятия красоты. «Женщина должна быть прекрасной» – таков социальный императив, обращенный к «прекрасному полу». Нельзя, однако, сводить эту красоту лишь к чертам лица или фигуры. «Если мужчина выходит из своих пределов, помещает свою силу в свое деяние и тем самым, динамически или идеально, “означает” что-то, создавая или представляя лежащее вне его, то идея женской сущности составляет ту не подверженную прорыву периферию, ту органическую замкнутость в гармонии частей сущности между собой и в их равномерном отношении к центру, – что и есть формула прекрасного» [2. С. 254]. Женщина, таким образом, не может быть значительной, поскольку не способна трансцендировать свою природу, она закончена, имманентна и, следовательно, прекрасна. Ее тело обладает правильными чертами и плавными переходами, оно является воплощением пассивного призвания. В то время как резкие переходы и грубые черты мужского тела обнаруживают в нем призвание вступать в деятельное соприкосновение и даже борьбу со внешним миром.

Более всего красота и целостность женского существа находят свое отражение в двух областях «в высокой степени творческих в культурном отношении или считающихся таковыми: это – дом и влияние женщин на мужчин» [Там же. С. 255].

Дом. Как и всякая другая область социального бытия, дом представляет собой, с одной стороны, некую часть реальности, связанную с другими частями, дополняющую их. Однако, с другой стороны, дом можно рассматривать как самостоятельное целое, некий мир, имеющий свои порядки, существующий по своим законам. И то и другое значение важны для обоих полов, однако важны в разной степени. Для мужчины дом – подспорье для его основной деятельности, для женщины – весь ее мир, «самодовлеющая ценность и цель» [Там же. С. 257]. Чтобы мужчина мог нарушать границы, устремляясь в бесконечность, эти границы должны быть очерчены и заботливо хранимы. Поэтому «дому свойственно то реальное и символическое отношение к сущности женщины, благодаря которому он мог стать ее великим культурным деянием» [Там же. С. 259].

Влияние на мужчин. Объективная культура создается мужчинами. Но кто создает мужчину, питает его душу, вдохновляет, воспитывает, придает смысл всем его свершениям? Г. Зиммель призывает быть осторожными в ответе на данный вопрос. Ни смягчение нравов в обществе, ни содержательный аспект объективного созидания не имеют своим источником женское существо. Влияние женщины на мужчину предполагает скорее исключительную способность сообщать другому то, чего не имеет сам сообщающий. «Женщины дают то, что парадоксальным образом есть нечто непосредственное, пребывающее в них бытие, которое, коснувшись мужчины, освобождает в

нем то, что феноменологически совсем не похоже на данное женщиной; только в мужчине оно становится “культурой”» [2. С. 261].

Таким образом, чем больше и в больших подробностях Г. Зиммель обрисовывает могучий творческий потенциал женской сущности, тем с большей очевидностью он осознает практическую невозможность признать имеющее место в культуре проявления женского начала оригинальным объективным содержанием культуры. Как бы значительны ни были возможные или реальные успехи женского пола в искусстве, медицине, науке, ведении домашнего хозяйства и вдохновляющем влиянии на мужчин, все они по праву могут быть отнесены к категории «вторичной оригинальности». Выдающиеся достижения отдельных женщин только подтверждают общее правило – расширяя субъективный аспект культуры, женщины не способны к созиданию чего-то принципиально иного, отличного от уже сформированных и утвержденных форм объективной мужской культуры.

Поэтому в завершении своей работы Г. Зиммель вновь обращается к поставленному в ее начале вопросу об отношении женской сущности к объективной стороне культуры. «Если бы свобода передвижения, к которой стремятся женщины, привела к объективации женской сущности, подобно тому как существующая культура является объективацией мужской, а не к равным по содержанию повторениям женщинами мужской культуры, то этим в самом деле была бы открыта для культуры новая часть света» [2. С. 263]. То «бы», которое автор использует при характеристике вклада женщин в объективную культуру, отчетливо свидетельствует о том, что «радикальный дуализм», к которому для разрешения этого вопроса обращался Г. Зиммель, «не помог», и проблема объективной культурной оригинальности женского пола остается открытой. Однако автор не вполне осознает, что этот радикальный дуализм, т.е. противопоставление, поляризация мужской и женской сущностей, равно как и само утверждение этих сущностей, только усугубляет проблему, помещая и удерживая вопрос о женском социокультурном призвании в рамки эссенциально-дуалистической парадигмы, по сути своей объективной, а следовательно, мужской.

Несмотря на явную неудачу в разрешении поставленного им вопроса, Г. Зиммель продолжает отчаянные попытки описать свою «идеальную цель» и возможные пути ее достижения. Он предполагает, что отсутствие убедительных примеров объективации оригинальной женской тотальности в современной культуре может быть результатом слишком долгого периода неравенства в обществе мужчин и женщин, после которого, вероятно, необходим столь же длительный период «преувеличенного равенства». Однако равенство прав и свобод не сможет устранить формальное препятствие к объективации женской сущности, а именно: пронизанность всех сфер культуры мужскими критериями, ценностями и способами выражения. И, следовательно, оптимистический прогноз на будущее в этой области неизбежно сталкивается с сомнением и возможностью того, что «объективная культура не только по своему сложившемуся к насто-

ящему времени содержанию, но и как таковая, как форма утверждения вообще настолько гетерогенна женской сущности, что объективная женская культура является *contradictio in abjecto*» [2. С. 264]. Более того, существует вероятность того, что понятия культуры, объективности и мира, являющиеся условием возможности основного для этого эссе вопроса, сами являются продуктом дифференцированного, а следовательно, мужского мировосприятия. И само исследование женской сущности с таких позиций репрессивно влияет на ее имманентную тотальность, являясь залогом неудачи.

Подводя итог этому краткому анализу эссе Г. Зиммеля, можно отметить два значимых аспекта представленного в нем подхода к изучению половой дифференциации.

Во-первых, нельзя не подчеркнуть, что для своего времени и в контексте господствовавших в конце XIX – начале XX в. установок, анализ женского призвания и культурного потенциала, представленный в работе «Женская культура», можно назвать по-настоящему блестящим. Г. Зиммель не только раскрывает здесь проблематику феминизма в совершенно неожиданном философском контексте сосуществования объективного и субъективного измерений культуры, но выражает также признание существующего положения вещей недостаточным и проблематичным в связи с невозможностью в современных условиях реализации глубинного творческого потенциала женской натуры. Более того, Г. Зиммель в прямом смысле «прозревает» ставшее намного позднее в гендерной теории общим местом отождествление человеческого и мужского, являющееся базисом традиционной западноевропейской культуры. Ставя и пытаясь решить вопрос о социокультурном потенциале женской природы в рамках эссенциальной парадигмы, автор, тем не менее, обнаруживает способность признать ее очевидные границы, связанные с предвзятостью языка, форм и критериев размышления.

Во-вторых, можно с уверенностью утверждать, что логический тупик, в который заходит анализ Г. Зиммеля, обусловлен тем, что автор не смог вполне осознать всеохватность эссенциальной установки, ее репрессивное воздействие на сам ход рассуждения. В самом деле, полагая своей целью поиск пространства для объективации женской сущности в альтернативном объективной / мужской культуре измерении, Г. Зиммель исходит из существования неких акуль-

турных и аисторичных в своем истоке сущностей мужчины и женщины, которые должны быть противопоставлены друг другу посредством «радикального дуализма» и атрибуты которых концептуализируются также дуально в рамках противопоставления разумного и чувственного, субъективного и объективного, активного и пассивного, внешнего и внутреннего и т.п. Основная проблема здесь кроется в том, что по сути объективная / мужская культура, эссенциализм и дуализм являются одним и тем же и, следовательно, невозможно вырваться из пут первого посредством второго или третьего. Чтобы искать женское призвание по ту сторону мужской культуры, нужно, прежде всего, избрать установки, не признающие существование априорной женской сущности и ее традиционных бинарных атрибуций. Поляризация полов, дуализм и эссенциализм суть тождественны и являются основным источником традиционных дистинкций объективной / мужской культуры.

Таким образом, можно вполне согласиться с суждением Юргена Хабермаса о том, что «Зиммель нам сегодня странным образом одновременно далек и близок» [3. С. 548]. *Близость* так живо и актуально представленного женского вопроса сочетается с *далекостью* эссенциальных посылок и формулировок, полагающих в основу развития культуры «априорную сущность» женщины, несвободную, однако, «и от мужских фантазий» [Там же. С. 549].

Классическим философам всегда казалось, что решение сформулированной ими задачи возможно и зависит лишь от качества прилагаемых усилий. Однако проблема полового неравенства вскрывает настолько глубокие слои исходной парадигмы мышления и восприятия мира, что успешная борьба с ними представляется в высшей степени затруднительной, если не невозможной. «Мы могли бы утверждать, – пишет Дейл Спендер, – что мы изобрели сексизм на пустом месте, мы создали произвольные и приблизительные категории “мужской” нормы, и категории “женского” – как отклонения от этой нормы... Но создав уже эти категории в нашем языке и мышлении, мы очутились в западне, так как мы отказываемся организовать этот мир любым другим способом – менее предвзятым и не столь несовершенным. Действительно, мы можем утверждать, что созданная нами западня настолько всепроницающая, что мы не можем даже представить себе мир, созданный по другим правилам» [4. С. 779].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286–365.
2. Зиммель Г. Женская культура // Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 234–265.
3. Хабермас Ю. Зиммель как диагност времени / пер. М.И. Левиной // Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 539–549.
4. Спендер Д. Мужчина создал язык // Введение в гендерные исследования. Ч. II: хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 775–783.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 10 ноября 2014 г.

THE ESSENTIAL APPROACH TO THE INTERPRETATION OF THE SOCIAL AND CULTURAL MISSION OF WOMEN IN THE PHILOSOPHY OF GEORG SIMMEL

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 102–108. DOI 10.17223/15617793/391/16

Khitruk Ekaterina B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudr@vtomske.ru

Keywords: women's culture; women's essence; women's movement; essentialism; binarism.

The concept of "women's culture" proposed in the philosophy of the famous German philosopher Georg Simmel is studied in the article. The concept under discussion is considered as one of the most striking examples of arguments about the destiny of women in the context of essential paradigm. The paradigm is based on the existence of some constant and diametrically opposite content of male and female entities. Georg Simmel argues that modern culture is essentially an expression of man's nature, and is only mistakenly characterized as a universal human creation. Contents objectified by culture bear an impress of the traditional features of the "male a priori", namely, the ability to disengage the center and the periphery of the personal being funding a differentiated approach to the perception of the world. The latter, from the author's point of view, allows one to more correctly state the main women's issue of our time. Does woman join the cultural background created by man or provide an alternative woman's aspect in culture? Does woman have a creative potential force? Analyzing the existing cultural manifestations (medicine, literature, art, household) of the feminine in terms of the classical philosophical binarism, G. Simmel, with all effort to recognize the creative potential of the female, is being forced to admit a secondary purpose of the female sex. However, the actual analysis tools, such as categories of the sensory, the passive, the domestic, the physical, the limited, are close with the essential message of the author. Therefore, they initially create barriers in consideration of women's destiny beyond the forms and criteria of the objective / male culture. Thus, the deeper G. Simmel describes the mighty creativity of the feminine essence, the more obvious is the practical impossibility of recognizing a place in the culture of the feminine manifestation by the objective content of the original culture. No matter how significant the possible or real successes of females are in art, medicine, science, housekeeping and inspiring influence on men, they can rightfully be categorized as "secondary originality". Outstanding achievements of individual women only confirm the general rule: by expanding the subjective aspect of culture, women are not able to create anything fundamentally different, different from the already developed and approved forms of objective male culture. Any consideration of the woman's destiny in the context of essential approach inevitably involves labeling female inferiority and inadequacy. It is also proposed the analysis of women's productive vocation should be made beyond essentialism.

REFERENCES

1. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Fields: Concepts and Applications]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology Publ.; St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2005, pp. 286–365.
2. Simmel G. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Yurist Publ., 1996. Vol. 2, pp. 234–265.
3. Habermas J. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Yurist Publ., 1996. Vol. 2, pp. 539–549.
4. Spender D. *Muzhchina sozdaet yazyk* [Man Made Language]. In: Zherebkin S.V. (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Kharkiv: KhTsGI Publ.; St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2001. Pt. 2, pp. 775–783.

Received: 10 November 2014